

* * *

Самая невыигрышная тема для искусства – это счастье. Вокруг всего другого можно наворотить столько страстей! – вокруг трагедии, вокруг безответной любви, вокруг непонимания близкими людьми друг друга, вокруг разлада и ссоры, вокруг измены и так далее, – а что говорить о счастливой паре? Ну, любят и любят друг друга, ну, живут и живут себе... Никакого сюжетного развития. Сплошная статика...

* * *

Глядя на огромное количество лежащих на всех газетно-книжных лотках изданий эротического, а то откровенно порнографического характера да на идущие по всем каналам TV сексуально насыщенные фильмы и, опять же таки, эротические и порнографические программы, можно говорить, что на рубеже XXI века в России произошла *СПЕРМ*анентная революция...

* * *

Набирая как-то на компьютере текст одной из своих статей, я случайно затронул пальцем лишнюю букву на клавиатуре и вместо слова

«литература» набрал: «литературва». Я, конечно же, сразу исправил эту ошибку, а сам между тем подумал – а не точнее ли это «неправильное» слово выражает внутреннюю сущность нашей сегодняшней литературы, в которой стало слишком много от *стервы, курвы, и оторвы?*..

* * *

Стихи – это мощный нравственный допинг, не запрещённый никакими конвенциями.

* * *

...Стоял нынче на платформе метро и смотрел на замаскированную под чеканное панно дверь на противоположной стене станции. Такие двери я вижу на каждой станции московского метро и всё время думаю: что там за ними? Параллельная сеть линий метрополитена? Камера бомбоубежища на случай войны? Трансформаторная электроподстанция или же просто какая-нибудь техническая кладовая, в которой ремонтные рабочие хранят свои инструменты?.. И не такие ли «потайные двери» разбросаны по «стенам» окружающего нас мира – в виде Бермудского треугольника, Пермской аномальной зоны, появляющихся в небе НЛО и многих иных непознанных наукой явлений? Что там за ними? Параллельные миры, невиданные сказочные пространства или – только пыльное небытие?..

* * *

...Однажды мне вдруг подумалось: «А не постмодернистичен ли по своей природе и сам наш мир? Ведь мы же знаем, что *«в каждом человеке сокрыт образ Божий»* – разве это не является аналогом *скрытой в тексте цитаты*? Таким образом, можно сказать, что **ЧЕЛОВЕК – ЭТО ЦИТАТА БОГА**, ибо каждый из нас, как постмодернистский текст скрывает в нём цитату, таит в себе образ Божий...

* * *

Глядя на то, что происходит сегодня в нашей стране, и сопоставляя всё это с многовековым историческим опытом России, невозможно не прийти к выводу, что русский народ способен быть организованным только при воздействии на него какого-либо мощного силового поля – в этом смысле он удивительно похож на металлические опилки, высыпанные на листок бумаги, которые сами по себе будут хоть вечность лежать в виде бесформенной кучки, но зато мгновенно выстраиваются в хорошо видимые (прямо-таки будто вычерченные) линии под воздействием сильного магнитного поля. Без таких вот силовых линий мы тоже пребываем аморфными и бездейственными, а потому нам просто жизненно необходимы либо сильная национальная идея, либо великая цель, либо же, как это ни печально, какая-нибудь продолжительная всенародная беда типа войны, способная напомнить нам, что мы единый народ, сплотить нас и выстроить в чёткие силовые линии...

* * *

В мой почтовый ящик сегодня бросили бесплатную рекламную газетёнку под названием «МИР ИНКОМ» – аналогичные издания последние годы пихают в ящик чуть ли не десятками, прямо хоть судись с ними: забьют его рекламой, а почтальону потом некуда класть письма и выписанные нами газеты... Но в данном случае я заговорил об этом не поэтому. Просто, прочитав случайно название газеты в обратном порядке, я увидел, что оно представляет собой чёткий палиндромический перевёртыш: «МОКНИ, РИМ». Специально, что ли, так придумали?..

* * *

...Ехал сегодня в метро домой и увидел на стенке вагона яркий рекламный плакат, зазывающий всех в один из магазинов кожи, где каждого «ожидают по доступной цене комфортная обувь и элегантные сумки». При этом какой-то неведомый миру остряк вырезал бритовкой в слове «сумки» букву «м», благодаря чему объявление приобрело довольно-таки оригинальный и даже пикантный смысл, сообщая всем, что в этом магазине их «ожидают по доступной цене комфортная обувь и элегантные су...ки».

И кто-то после этого будет еще утверждать, что постмодернизм в России не прижился?..

* * *

Листая свои рабочие блокноты, наткнулся в одном из них на такое вот четверостишие: «В шкафу хранились кукла, вино, вата... / Открыли шкаф – в бутылке нет вина! / И все вскричали: “Кукла виновата! / Его, скучая, выпила она!..”» Прочитав эти строчки, я подумал, что писательские дневники – это, наверное, и есть такие же самые «шкафы», в которых хранятся «кукла, вино, вата» и другие сваленные в кучу литературные безделицы, которые хотя и не тянут на самостоятельные произведения, но в то же время не заслуживают и забвения, так как представляют собой некие «точечные замеры» писательского мыслительного процесса, показывающие его реакцию на те или иные события литературной жизни, прочитанные книги или замыслы собственных произведений. Опубликовав как-то пару-тройку блоков таких вот полукритических-полупоэтических миниатюр в журналах «Дальний Восток», «Сибирские огни», «Вертикаль» и, кажется, где-то ещё, я с удивлением обнаружил, что они вызывают гораздо больший читательский отклик, чем все мои статьи, романы и стихотворения. По-видимому, читатель устал от литературно оформленного изложения писательских мыслей и ему хочется видеть непосредственно контакт писателя с жизнью – то есть живую правду, а не художественный вымысел или изложение эстетической платформы...

* * *

Вечером в одной из телереклам мелькнула информация об очередном конкурсе – мол, надо выслать куда-то (я и адрес-то не успел расслышать) две крышечки от кофе «Пеле», написать, за что ты любишь Бразилию, и у тебя появится шанс выиграть поездку в эту страну. Я стопроцентно

знаю, что всё это полная туфта и никто никакой путёвки никогда не получит, но тем не менее тут же написал стихотворение:

«Покуда в разуме и в силе я, / в моей душе любовь живёт / к стране по имени Бразилия, / где кофе в баночках растёт. // Как дом родной, страну ту знаю я: / там много диких обезьян. / (Но эта свалка обезьяния – / её единственный изьян.) // И всё в судьбе своей осилю я, / пока сияет мне во мгле / моя мечта – моя Бразилия: / ламбада, кофе и Пеле!..»

Помимо таких вот куплетов, я мог бы предложить любой из кофейных компаний целую кучу всевозможных литературно-рекламных проектов, выводящих их на пик покупательского внимания, но бог его знает, чем руководствуются их PR-менеджеры – никто не ищет с писателями никаких контактов, никому не нужны толковые идеи, все, видимо, думают только о том, как бы не отдать из бюджета ни копейки на сторону и прибрать все предназначающиеся на рекламу деньги только *самим себе...*

* * *

Прочитал вчера в газете «Завтра» интервью с заведующим кафедрой ЮНЕСКО по культурному туризму Валерием Квартальновым и (совершенно безотносительно к тому, о чём шла речь в беседе) тут же сочинил четыре строчки о туризме: *«Не надо фыркать: “Фу, туристы!” – / о тех, кто ходит с рюкзаком. / Они – просторов футуристы: / читают Родину пешком...»* Последняя строка, конечно, не ахти, но думаю, что ненамного хуже кручёныховского *«Дыр бул щыл»*, ставшего сегодня классикой русской зауми. Хотя, надо признаться, я очень люблю всякое поэтическое трюкачество (трюк-качество) в духе футуристов-авангардистов-модернистов-метаметафористов и других реформаторов российской поэзии. Литература без игрового начала – скучна и уныла, а уныние – это, по православным канонам, один из тягчайших грехов. Из-за того, что писатели почвеннического направления почти не используют сегодня в своём творчестве право на эксперимент и формотворческий поиск, патриотическая литература, при всей своей внутренней правоте, производит на свет очень много нечитательной продукции, девальвируя тем самым и саму литературу, и высокие патриотические идеи...

* * *

Увидел в одном из номеров «Литературки» воспоминания поэта Славы Киктенко о том, как он разъяснял Кузнецову своё понимание сказки про курочку Рябу, в которых он приводит свои версии её трактовки, пытаясь увязать сказку с некими мудрёными солярными мифами. Якобы золотое яйцо, которое Ряба снесла Деду и Бабе – это символ солнца, а значит, за всем этим таится какое-то неизвестное нам древнее планетарное учение, отзвуки которого он и старается отыскать в русской поэзии... На мой же взгляд, всё в этой сказке можно объяснить гораздо проще, если посмотреть на неё сквозь призму одного древнерусского духовного стиха, рассказывающего, как в день Вознесения Господа Иисуса Христа по всей Руси расплакались и распричитались нищие, говоря: «Вот, Ты уходишь, Господи, а на кого же мы здесь остаёмся? У нас ведь нет ни крыши над головой, ни одежды, ни денег на еду...»

Как же мы жить-то будем?» А Господь им на это и отвечает: «Не волнуйтесь, братья, Я дам вам золотую гору – вы отщипывайте от неё по кусочку, вот вам и будет и на еду, и на одежду, и на всё прочее». Но тут вдруг раздался голос Иоанна Златоуста: «Что же Ты делаешь, Господи? У них же эту гору завтра отнимут торгаши и чиновники, и опять они останутся ни с чем!.. Ты уж лучше дай им право жить Твоим именем, прося у людей милостыню *Христа ради*, – и чтобы все им на это понемножку подавали. Тогда они хоть не умрут от голода...» И Господь так и сделал, дав им право просить по всей земле подаяние *ради Своего имени*.

Примерно то же мы видим и в сказке про курочку Рябу. Что такое яйцо в христианской символике? Это – символ жизни (вспомним пасхальные красные яйца). А кто дарует жизнь, как не Бог? Выходит, что курочка Ряба символизирует собой Бога. И, снеся Деду с Бабой золотое яичко, она подарила им обеспеченную жизнь, дала в руки богатство, а они не знают, что с ним делать. Били-били, не разбили, отложили в сторону, а юркая мышка с ним тут же и управилась. Только хвостиком хитрым махнула – и всё...

Не углубляясь в образ мышки, можно сказать, что из этого эпизода хорошо видно, что русскому народу золото ни к чему. Не знает он, что ему с ним делать, одна морока от этого богатства. Всё равно он его потеряет. Вот Господь, увидев всё это, и говорит Деду с Бабой устами Рябы: «Не плачьте, я снесу вам яичко не золотое, а простое...» То есть – не беспокойтесь о хлебе насущном, думайте о спасении души, Я дам вам простую жизнь, которая хотя и не сделает вас богатыми, но не позволит и умереть от голода. (Точно так же, как и в притче о золотой горе).

...Кстати, я слышал эту сказку от своих бабушки и мамы уже по-другому. В их варианте курочка Ряба снесла Деду с Бабой сначала именно *простое* яйцо, которое она дала им в соответствии с установкой на обеспечение простой жизни и которое они не смогли разбить от слабости, а когда мышка его раскокала, то Ряба обещает им снести взамен разбитого яйца – *золотое*. Это говорит о том, что при советской власти люди мечтали уже не просто о подсобном хозяйстве, дающем им взамен ежедневного труда картошку и яйца, а как раз о некоторой финансовой обеспеченности – о пенсии, регулярной зарплате, денежных сбережениях и прочем. То есть – уже о некоей *гарантированности существования*, а не о милостыне или подножном корме. (Советским людям хотелось уже не просто жить, а жить, как говорится, *хорошо*, но власть этого не учла и получила столько недовольных собой, что её в 1990-е годы, в общем-то, некому уже было по-настоящему и защитить...)

* * *

Слыша, как повсюду звучат песни Верки Сердючки, я подумал о том, что есть основание говорить о некоем повторяющемся в истории феномене низкого жанра. Ведь практически то же самое звучало и в 1920-е годы в репертуарах Сокольского, Утёсова и других эстрадных куплетистов. «*Эх, лимончики, / мои лимончики, / растёте вы у Сони на балкончике...*», «*Шла по улице старушка, а за ней мотоциклет, / мотоцикл цикал, цикал – и старушки больше нет...*», «*Так смеялись каждый час, / но прошёл годочек, / и от смеха вдруг у нас / родилсь сыночек...*» – я слышал множество песен такого рода времён нэпа,

весьма перекликающихся с тем, что поют сейчас наши сегодняшние шансонье. По-видимому, во время слома общественно-экономических формаций происходит и смена политической, экономической и культурной элиты – люди из общественных низов резко переходят в верхи. Во власть, в бизнес, в чиновничество приходят люди из криминальных кругов, воры и урки, культурный уровень которых не превосходит песенки «Мурка» – и именно под этот-то уровень и стремится подстроиться эстрада, чувствуя в нём главного потребителя своего «искусства»...

* * *

...Стране – абзац. В унынье ходят люди. / Всё развалил ужасный катаклизм. / Ужель нам общим памятником будет / построенный в ларьках капитализм?..

* * *

Пока ездил на станцию «Загорянская» смотреть предложенную нам на лето дачу, прочитал в электричке роман Стивена Кинга «Библиотечная полиция». Надо, не кривя душой, признать, что читал я его с большим интересом – интрига и вправду так прочно привязывает к себе внимание читающего, что оторваться от сюжетной линии просто невозможно. Но в итоге испытываешь чувство откровенного разочарования. Не потому, что это сделано плохо, и не потому даже, что – жестоко, а потому, что проблема мистического характера решается исключительно на *материальном* уровне. То есть – с инфернальной *нечистью* и *дьявольщиной* герои борются практически теми же методами, что и с рядовыми бандитами – путем их *физического* устранения. А то, что против них существует такое мощное оружие как *молитва, пост и церковное покаяние*, им, похоже, даже и невдомёк. А поэтому и одержанная ими победа кажется неубедительной: вампиры, бесы, ведьмы и прочие *дьявольские отродья* – это не та категория, которая исчезает с умерщвлением её *плоти*...

* * *

Сегодня всю дорогу в метро, а потом и дома читал в одном из номеров журнала «Звёздная дорога» повесть Олега Синицына «Двадцать пятый час». В ней, как и у Стивена Кинга, тоже действуют инфернальные сущности, но победа над ними одерживается не столько силой оружия, сколько силой духа. Уже самим фактом того, что герой не испугался адских чудищ, угрожающих из преисподней миру живых, и не пошел им в услужение – он снял печать заклęcia с ангелов, а уже они своими огненными мечами начали очищать мир от губительной нечисти.

Вот без этого Божественного «противовеса» всем лешим, троллям, бесам, ведьмам и прочей мистической заразе современная фантастика выглядит, как самолёт с одним крылом – в ней присутствуют только сам человек и *силы зла*, тогда как второго «крыла» – *сил добра* – как правило, нет, и человеку приходится во всем уповать только на свои силы. Отсюда и эта заполонившая страницы фантастики заведомо беспобедная борьба с бесами при помощи одних только *физических* методов – молиться-то ведь героям *некому*, в их мире не существует Бога!..

Повесть Олега Сеницына – одна из немногих, где эта традиция нарушается, и поэтому она воспринимается как обещание того, что в создаваемые писателями миры наконец-то возвращаются *полнота и равновесие*, благодаря чему перед их героями открывается перспектива не только вечно бороться со злом, но и делать выбор между ним и силами добра...

* * *

По свидетельству автора книги «Литературная Москва» Ивана Белоусова, писатель Николай Николаевич Златовратский, когда разговор заходил о новых писателях или новых направлениях в литературе, восклицал:

« – О чём пишут? Как пишут? Для кого? – быстро, нервно шагая по своему маленькому кабинету, задавал он вопросы. – В наше время, когда мы писали, перед нашими глазами стоял многомиллионный трудовой народ: мы говорили перед его лицом, перед ним и ответ держали!..»

Так же точно, на мой взгляд, жила русская литература и с 1917 по 1987 год, в период так называемого соцреализма, когда, несмотря ни на какую заидеологизированность тогдашнего искусства, литературный герой, проходя через рассыпанную по сюжету цепочку испытаний, предстал на последней странице книги обязательно хотя бы на ступеньку *нравственно выше*, чем мы его видели на первой странице.

Сегодня же, к сожалению, писатель не держит ответ ни перед кем, а потому и количество разбросанных по его романам трупов не прибавляет его героям абсолютно ничего. Каким входит герой в произведение, таким же точно из него и выходит. Зачем же тогда всё это писалось, спрашивается?..

* * *

Мучаясь как-то от бессонницы, включил среди ночи телевизор и сразу же наткнулся на концерт, посвященный памяти Юрия Визбора. И показалось, что сидящие в зале люди являются представителями какого-то другого мира – отрешенные, нездешние. Балдеют, подпевая все эти «Милая моя, солнышко лесное...» Такое впечатление, что они прожили последние десять лет, не заметив ничего, что произошло вокруг них, – ни потери СССР, ни расстрела здания Верховного Совета, ни реставрации капитализма в России. Да они, похоже, не замечают даже того, что произносят их собственные губы! Вот промелькнули строчки: *«Ты прости меня, прости меня, пожалуйста – / ВДРУГ И Я ТЕБЯ КОГДА-НИБУДЬ ПРОЩУ?..»*

Смотрю на плывущие, словно в нирване, лица и вижу, что никто даже не задумывается над тем, что автор ведёт себя здесь под стать мелочному торгашу, требующему от любимой предоплату за то, что он только возможно когда-нибудь случайно сделает в будущем. *«Вдруг и я тебя когда-нибудь прощу?!»* – строит он гипотетическое предположение и, ещё даже не простив её, уже пугается того, что это его виртуальное действие может остаться неоплаченным.

Но это – все-таки Юрий Визбор, самый романтический и чистый из наших отечественных бардов, творивший еще без злобы и лицемерия...

В «Письмах русского путешественника» Н.М. Карамзина записано: «Весна не была бы для меня так прекрасна, если бы Товсон и Клейст не описали мне всех ее красот...» По-видимому, в том и заключается основной смысл постмодернизма, что сквозь его призму мир представляется в первую очередь как чужой текст, и только уже потом – как некая самостоятельная ценность. До тех пор, пока этот текст не *подменяет* собой реального мира, а всего лишь *дополняет* его, помогая увидеть все его подлинные красоты, постмодернизм выполняет ту же положительную этико-эстетическую функцию, что и остальное искусство, однако стоит ему только возомнить, что он – *первичен*, а весь окружающий мир – это не более как иллюстрация к его главам, как на память сразу же приходит образ библейского Каина... Основное зло от того или иного авангардного направления в искусстве заключается не столько в самом факте их существования, сколько именно в их агрессивной претензии на *первенство*, в попытке подмены этических, эстетических и нравственных критериев, уводящих искусство в сторону, противоположную Истине...

* * *

...Боже мой, ну кто это сказал, что литература должна быть серьёзной, как бука, и заниматься единственно нравоучительством? Без игрового элемента она может превратиться в нечто занудное и скучное, поэтому я страшно рад, когда у кого-то другого или у меня самого появляются строки, способные вызвать читательскую улыбку. Не хохма ради хохмы, но хотя бы немного раскрепощённости, позволяющей воспринимать трагедию жизни без традиционной душевной тяжести, а как очередную иронию судьбы. Ярче всех в этом плане работает сегодня, наверное, Юрий Поляков, хотя элементы подобного стиля можно найти и у некоторых других наших современников...

* * *

Печально, но факт: чем дальше отходят славянские народы от своих духовных святынь, чем менее остаются они в русле своей национальной традиции и культуры, тем лучше живут материально. И, соответственно, наоборот: чем цепче держатся за свою историческую память, чем сильнее хранят заветы отцов и верность своей тысячелетней вере, тем в большем одиночестве оказываются и большие трудности испытывают. Как будто мир таким образом специально подталкивает их к отказу от своего национального лица...

* * *

Не так давно прочитал где-то небольшую информацию о том, что впитанная петербургским гранитом влага сохраняется в глубине его пор и трещин (то есть внутри всевозможных питерских колонн, стен, парапетов и постаментов) в течение пяти с лишним сотен лет. Если вспомнить об открытии французского учёного Жака Бенвениста, который в результате своих опытов обнаружил, что вода хранит память обо всём, что в ней когда-либо побывало, то перед нами вырисовуется

просто фантастическая картина Санкт-Петербурга! Оказывается, этот город напоминает своими характеристиками *мокрый диэлектрик*, который теряет свои изоляционные свойства и не блокирует, а пропускает сквозь себя из-за этой своей влажности разряды электрического тока. Точно так же и пропитанный дождями и туманами пятисотлетней давности Питер пропускает сквозь себя из прошлого в наше сегодня энергию и память множества миновавших эпох. С учетом того, что практически весь Петербург состоит из такого вот пропитанного влагой гранита, этот город сегодня представляет собой сплошной *проводник памяти*, не случайно же в его поэзии столь сильно звучат исторические мотивы...

* * *

Длинная фраза у прозаика (или чрезмерно длинное стихотворение у поэта) – это неоспоримое свидетельство его нарциссизма. Он не может остановить себя, потому что постоянно внутренне любит себя собой говорящим, как будто бы видит себя на трибуне. От этого нарциссизма всего один шаг до графомании...

* * *

Вечером смотрел по телевизору кадры затопления нашей космической станции «Мир». Как это ни обидно, а приходится признать, что американцы выгнали нас из космоса, как блатные пацаны – шпанят из своего двора. Потопив 12 августа прошлого года наш «Курск», они избавились таким образом от нашего присутствия в Мировом Океане, а теперь, добившись уничтожения «Мира», – и от нашего присутствия в околоземном пространстве...

Но как же красиво погибал наш «Мир», как величественно и гордо проследовал он перед наблюдателями к месту своего последнего пристанища! Словно торжественный кортеж, появились из-за туч стремительно летящие по небу горящие обломки станции: впереди, точно головной автомобиль, неслась самая большая из её уцелевших частей, а немного по бокам и сзади – как сопровождающие её мотоциклисты – обломки поменьше. От фантастичности и величественности увиденного аж душа похолодела. Не случайно мир аплодировал этому красивейшему и печальному «шоу»...

* * *

Вечером по телевизору передавали интервью с Александром Солженицыным, в котором он, в частности, сказал, что *Запад не испытал в своей истории того, что испытали мы, а потому не может быть для нас судьёй и учителем, а также, что Ельцин и Чубайс произвели над Россией чудовищный эксперимент, создав из неё государство, основанное на ограблении большинства меньшинством...* Увы, всё абсолютно правильно, да только кто сегодня к его словам прислушивается? Это ведь почти то же самое, если бы Иуда Искариот после казни Христа взялся обличать иерусалимских первосвященников в попрании принципов гуманизма!..

* * *

Сегодня – очередная годовщина со дня смерти Иосифа Виссарионовича Сталина. При всей его маниакальной подозрительности и жестокости, приведших страну к ГУЛАГу и иным перегибам, сегодня уже видно, что без его державной твердости сохранить независимость государства и направленный на всенародное благо курс практически невозможно. Сегодня мы уже на себе видим, что происходит, когда власть оказывается слабой. Я думаю, что Сталин – это последний государственный деятель, которого хоронила ВСЯ СТРАНА. После него уже просто *оттаскивали и зарывали...*

* * *

Возвращаясь домой с работы, увидел на нашем рынке возле метро красивый ковер с ликом Иисуса Христа посередине и подумал: как же потом, прости, Господи, выбивать из него в случае необходимости пыль? Какую надо иметь душу, чтобы заставить себя бить выбивалкой по лицу Бога? Я вот еще только подумал да написал об этом – и то уже страшно сделалось, а как быть тем, кто его все-таки купит? *Господи, помилуй, Господи, помилуй, Господи, помилуй...*

* * *

Подумалось вдруг о том, что реформы русского языка – это не такое уж и безобидное дело, как может показаться. Вот, к примеру, раньше писалось не «католический», а «кафолический», не «кафедра», а «катедра», не «теософия», а «феософия» и так далее. Так что и наш сегодняшний Интернет при всей сопутствующей ему массе положительных моментов имел бы по старому написанию вид «инфернет», что гораздо ближе соответствовало бы его *ИНФЕР*Нальной сущности...

* * *

Разговаривал с утра со своей дочкой Алинкой (11 лет) о метафорах, эпитетах и другой инструментовке поэтических текстов. Когда она прочитала в «Мурзилке», что *горбы верблюда похожи на два холма*, я предложил ей поискать какое-нибудь другое, более современное сравнение, ведь вряд ли у живущей в Москве одиннадцатилетней девочки первыми придут на ум холмы, которые она и видела, может быть, только раз в жизни, где-нибудь по дороге в летний лагерь из окна автобуса. Скорее всего, у современных ребят должна при виде верблюда возникать какая-нибудь более знакомая им ассоциация – то, на что натывается их взгляд в повседневной жизни здесь, в столице. Я схематично изобразил пальцем в воздухе горбы верблюда в виде двух спаренных узких дуг и Алинка тут же сказала, что это округленная буква «М», а немного подумав, воскликнула: «*“Макдоналдс”!* Это *“Макдоналдс”!* Верблюд похож собой на лошадь, которая несёт на своей спине рекламу “Макдоналдса”!..» Так что метафоры XXI века будут носить отнюдь не природный, а стопроцентно урбанистический характер...

Услышал от кого-то произнесенную вслух фразу: «*Стал Иван ВО ЧИСТОМ поле*», и подумал, что помимо привычного у неё есть еще и другое, не менее поэтичное и образное звучание: «*Стал Иван В ОЧИСТОМ поле*» (то есть в поле, имеющем *ОЧИ*, в *ГЛАЗАСТОМ* поле), – что лишний раз подтверждает моё давнее наблюдение над тем, что слова русского языка имеют способность к многослойному и многосмысловому прочтению, неся под лежащим на их поверхности видимым смыслом (точно матрёшки под внешним корпусом) ещё и некую потайную, обнаруживаемую только при «раскупоривании» этой внешней оболочки, суть...

* * *

...Перечитывая перед сном поэму Некрасова «Кому на Руси жить хорошо», поймал его неожиданно на одном несоответствии. В самом зачине повествования он говорит, что на столбовой дороге сошлись *СЕМЬ* мужиков и перечисляет *СЕМЬ* деревень, из которых они вышли, а потом, объясняя, кто с какой целью вышел в этот день из дому, пишет, что «а *ДВА* брата Губины так просто с недоуздой ловить коня упрямого в *СВОЁ ЖЕ СТАДО* шли», из чего видно, что они вышли из *ОДНОГО И ТОГО ЖЕ МЕСТА* (ну не созванивались же они из деревни в деревню по мобильнику, чтобы идти куда-то в их *ОБЩЕЕ* стадо?). Таким образом, получается, что *СЕМЕРО* его героев вышли из *ШЕСТИ* деревень, а пришлёпнутая к списку Неурожайка оказывается здесь совершенно лишней. Не случайно она и добавлена к перечню деревень как бы уже вдогонку: «*Неурожайка – тож*», напоминая этим печально известную формулировку политического обвинения из хрущёвских времён: «...и примкнувший к ним *Шепилов*».

(Впрочем, «чудит» Николай Алексеевич и дальше: к примеру, повторяя в главе «Крестьянка» перечисление деревень, из которых отправились в странствие его мужики, он вместо приведенного на первой странице поэмы списка, состоящего из «*Заплатова, Дырявина, Разутова, Знобишина, Горелова, Неелова, Неурожайки – тож*», даёт уже несколько отличающийся от него перечень, по которому его герои вышли из «*Несьтова, Неелова, Заплатова, Дырявина, Горелок, Голодухина – Неурожайки тож*»).

* * *

Оглядываясь на период своего раннего детства, вдруг вспомнил песенку, которую любил напевать мой отец, бывая в хорошем расположении духа. С тех пор прошло уже четыре с лишним десятилетия, а она вдруг выплыла так, будто я её слышал на прошлой неделе: «*Ит сто няба кла без сте, / шакры в неба кла прете. / И чийрабо слепо няба / дитхо цает кла ми зуба*», что переводится как: «*Стоит баня без стекла, / в бане крыша протекла. / И рабочий после бани / ходит, клацает зубами*».

Не знаю, может быть, я потому эту белиберду и пронёс в своей памяти сквозь все десятилетия, что это была не обычная песня, а демонстрация неких «изнаночных» свойств русского слова – тех самых, что как раз и придают пикантности самым, казалось бы, привычным и будничным вещам и явлениям...

* * *

Просмотрел на работе кучу книг, которые мне привезли на днях для обозрения из провинции, и откровенно расстроился низкому художественному уровню некоторых из поэтических сборников. Даже не знаю, как мне поступить, – они ведь ждут от меня *положительных* откликов, а книги такие, что их надо *ругать*. Вот, к примеру, прекрасно изданный том стихов Ивана Прасолова «Всё начинается с любви» (Тула, 2001. – 384 с.), открыв который, натыкаешься на сплошные зарифмованные здравицы и посвящения. Писучесть у автора поразительная: вошёл в магазин, купил у продавщиц батон хлеба или кусок колбасы – пожалуйста, получите благодарственное стихотворение; съездил в профилакторий КСЗН (?), нагулял там дополнительный вес – получите в знак признательности мадригал: «...*От большого аппетита / Прибавляется пузцо. / Социальная защита / Населенья – налицо...*» И ведь всё это – не в шутку, не как образец иронической поэзии, что, как говорится, ещё куда бы ни шло, а – на самом полнейшем серьёзе! «...*В этом скромном магазине / Всё в наличии есть – для / Потребительской корзины, / В любой час любого дня...*» Тут бы, думаю, и самого Ляписа-Трубецкого с его «Гаврилиадой» скрутило от зависти!..

* * *

Для названия статьи или нового творческого метода: «Постмодернизм с человеческим лицом».

* * *

Во время моей недавней поездки в Тольятти на Совецание молодых писателей, где я руководил семинаром поэзии, по вагону носили на продажу хрустальные вазы и бокалы, и, услышав, как продавцы выкрикивают слово: «Хрусталь! Хрусталь!» – я подумал, что в его звучании как бы заложено сразу и само определение этого материала, ибо хрусталь действительно является одновременно и *ХРУПКИМ*, как стекло, и звонким, как *СТАЛЬ*, отсюда и его имя: *ХРУ-СТАЛЬ*..

* * *

Прочитал в «Ночном поезде» М.Н. Загоскина эпизод, который можно поставить эпиграфом к статье или даже книге о сегодняшней критике:
« – ...*Вот то-то, племянник, если б ты поменьше знал французских, а побольше русских слов, так и не попался бы впросак, как безграмотный, и не мешал бы мне рассказывать.*
– *Виноват, дядюшка, но я читал в одной критике...*
– *Эх, братец, охота тебе читать всякий вздор!...*»

* * *

...Помню, во время одного из дней русской литературы в Самаре, где я был руководителем делегации от СП России, священник о. Нико-

лай, которого мы только что приняли в члены Союза писателей, встал как-то за ужином из-за стола и говорит:

– Друзья, прошу минуту тишины! Я хочу для вас сейчас спеть народную песню!

– Только, батюшка, пожалуйста, без матов, – так это буднично попросил его ведущий православной телевизионной программы «Путь» Алексей Алексеевич Солоницын. (Как будто едва только стоит запеть священнику – и от матов хоть уши затыкай...)

...И ещё один памятный эпизодик из этих дней. Нас поселили в небольшой епархиальной гостинице «Радонеж» – эдаком трёхэтажном домике неподалёку от Волги, в котором оборудовано десять шикарных номеров для остановки проезжих архиереев, – и я всё время напоминал своим коллегам, чтобы они не курили в номерах, а выходили на улицу. Ведь тут же потом будет ночевать духовенство, увещевал их я. А в последний день удосужился заглянуть в лежащие на столе правила проживания в гостинице и сразу же наткнулся в них на такой пункт: «*Убедительная просьба: не лежать на постели с непогашенной сигаретой*». Как будто любимое дело останавливающихся тут епископов и архиепископов – поваляться на широченной кровати с дымящейся сигареткой во рту!..

* * *

...Во время одной из моих поездок в Санкт-Петербург я побывал в гостях у своего всеволожского друга – поэта Владимира Шемшученко, и он за шашлыками поведал мне о довольно забавном эпизоде, произошедшем с одним из его друзей-рыболовов. Каждую весну, когда разливающиеся реки и озёра затапливают окрестные низины, они ездят в такие места в окрестностях Ладожского озера ставить сети. И вот в этом году, когда они нашли очередную затопленную низину и поставили там сеть, подъезжает инспектор рыбнадзора и начинает составлять протокол, чтобы изъять у них орудие лова, транспортное средство и наложить штраф за браконьерство. «Хорошо, – говорит Володин напарник, – пиши. Но только пиши всё, как есть: что мы – *ловили рыбу сетью в поле*, а иначе я не подпишу протокол!» Тот подумал-подумал, закрыл свою полевую сумку и уехал. Ну как можно кого-то оштрафовать за то, что он «ловил рыбу сетью в поле»? Ещё дураком посчитают. Хотя на деле всё так и было – то место, где они ставили сеть, до разлива было участком поля, и когда вода спадёт, оно опять им же и станет...

* * *

...Помнится, при первом прочтении романа Булгакова «Мастер и Маргарита» я искренне хохотал над сценкой, описывающей, как Бегемот и Коровьев пытались попасть в ресторан «дома Грибоедова», у входа в который сидела «гражданка в белых носочках и белом же беретике с хвостиком», потребовавшая у неразлучной парочки писательские удостоверения.

«– Прелесть моя... – начал нежно Коровьев.

– Я не прелесть, – перебила его гражданка.

– О, как это жалко, – разочарованно сказал Коровьев и продолжал: – Ну что ж, если вам не угодно быть прелестью, что было бы весьма приятно, можете не быть ею...»

Потом, много позже, читая уже не булгаковское «евангелие от Воланда», а настоящее – от Матфея и других Апостолов, – я понял, что гражданка в белых носках является практически *единственным* персонажем романа, не подпавшим под власть нечистой силы. Ведь по Священному Писанию «прелесть» – это, во-первых, «самопрельщение» (1 Сол., 2, 3), а во-вторых, «обманывание и оболъщение других» (Мтф., 27, 64; 4, 14), поэтому, заявив представителю свиты Воланда (Дьявола) свое твердое «*Я не прелесть*», гражданка в *белых* носках и *белом* берете (цвет чистоты и святости) выказала именно православное отношение к слову «прелесть», вызвав тем нескрываемую досаду Коровьева («*О, как жалко...*»), бесовская роль которого как раз и опирается на склонность людей к самообольщениям и соблазнам.

* * *

...У меня такое впечатление, что песни существуют по тем же законам, что и человеческие сообщества и, отрываясь после своего создания от воли сочинившего их композитора, они живут своей собственной жизнью, подчиняясь законам неведомого нам песенного мира. И там, в этом их мире, хорошие песни враждуют с плохими почти так же, как Америка с Россией. И плохие песни делают всё возможное для того, чтобы постоянно увеличивать свои ряды. Только, к примеру, какой-нибудь композитор сядет к роялю сочинять что-нибудь серьёзное, как они тут же летят к нему и влезают в память, визжат в ушах, сбивают с наметившейся мелодии на какую-нибудь дребедень. Он хочет сосредоточиться, поймать некое промелькнувшее в душе «высокое звучание», а в ушах неустанно вертится какой-нибудь «Цыплёнок жареный».

* * *

...Несколько лет назад, читая в Самарском епархиальном училище лекции по истории русской словесности, я посвятил один из уроков творчеству Сергея Есенина, столетие со дня рождения которого как раз тогда отмечалось. И вот, внимая его стихам, один из будущих батюшек вдруг говорит:

– Послушайте, но ведь это же пишет не христианин, а язычник. Смотрите: «*Молюсь на КОПНЫ и СТОГА*», «*За прощальной стою обедней КАДЯЩИХ ЛИСТВОЙ БЕРЕЗ*», «*Я молюсь НА АЛЫ ЗОРИ, причащаюсь У РУЧЬЯ*», «*Молюсь дымящейся ЗЕМЛЕ*» и всё в таком же духе. Ведь это же миропонимание человека дохристианской эпохи...

Перечитав дома есенинский двухтомник, я склонен думать, что мой семинарист был весьма и весьма прав. Есенин – не *отступник от Бога*, как считают многие есениноведы, он к Нему просто ещё и *не приходил*. Его мировоззрение действительно еще глубоко *дохристианское* – православянское, основывающееся не на вере в *Бога-Творца*, а на поклонении самим *стихиям* – ветру, солнцу, дождю, грому или же *объектам природы* – земле, лесу, полю...

Посмотрим на строки такого, казалось бы, *покаянного* стихотворения как «Мне осталась одна забава», выражающего как бы последнюю волю автора: «...*Чтоб за все за грехи мои тяжкие, / За неверие в благодать / Положили меня в русской рубашке / Под иконами умирать*».

На первый взгляд, примирение поэта с Богом состоялось – по крайней мере, мы присутствуем при факте осознания им своей вины перед

Ним. Но – даже *под иконами* – Есенин хочет лежать не в чем-нибудь, а именно в *русской* рубашке, то есть в рубашке с вышитым вокруг ворота *орнаментом*. А что такое русский орнамент? Исследования академика Б.А. Рыбакова и других историков показывают, что русская народная вышивка – это зашифрованная языческая символика, изображающая древние божества: *Хорса* (кружок-солнце), *Макошь* (крестики типа буквы Х, символизирующие человека с поднятыми к небу в молитве руками), *Древо Жизни* («ёлочки» вдоль ворота) и так далее.

Так что, даже смиряя себя в свой последний час перед Богом, Есенин этой просьбой – похоронить себя в *русской* рубашке, – быть может, сам того не осознавая, говорит нам о том, что в душе он был, есть и остается не *христианином*, а именно – *язычником*.

* * *

...Как-то на лекции в Доме литераторов (ещё во время моей жизни в Самаре) один из заезжих профессоров пожаловался, что до сих пор нет нормального определения того, что же такое *ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЯЗЫК*. Я сначала удивился, а потом подумал, что причина здесь, по-видимому, кроется в том, что все пытаются составить его определение, исходя из признаков, *уже в нём содержащихся*, тогда как следовало бы – исходить из самого его *назначения*. Ведь в чём главная принципиальная разница? В том, что язык *функциональный* служит для коммуникации на уровне *разума*, а язык *литературный* – для общения на уровне *духа*. Отсюда и их отличительные признаки. Первый является носителем бытовой и профессиональной *информации* и, следовательно, передается посредством *знаков и символов* (цифр, формул, терминов, служебных слов и тому подобное), ну а второй – носителем *чувств и идей*, которые передаются авторами при посредстве *образов* (метафор, гипербол, «потоков сознания»), лирических монологов и прочих художественных средств).

* * *

К 12 часам дня пошёл в располагающуюся неподалёку от нас школу русско-словацкой дружбы на встречу с педагогами. Почитал им стихи, поговорили о состоянии сегодняшней литературы, и, анализируя их пожелания, я вывел эдакий совокупно-виртуальный образ современного российского писателя, каким бы они хотели его видеть. Для того чтобы быть кумиром у сегодняшних читателей, надо:

- а) чтобы писатель был красивым, как Владимир Сорокин;
- б) чтобы он писал глубоко, как Валентин Распутин;
- в) чтобы его книги читались легко, как детективы Дарьи Донцовой.

Обогатившись такими богатыми выводами, я попил с учителями чаю с вафельным тортом и поехал к себе в правление...

* * *

К сожалению, сегодняшнее российское телевидение – это такой же цинизм, как *дуэль с одним пистолетом*, когда один из дуэлянтов (тот, кто сидит «внутри телевизора») может себе позволить стрелять в другого (того, кто смотрит на экран снаружи) любой самой отборной ложью, любыми подлостями и пошлостями, заведомо зная, что этот другой не вооружён, а потому и не в состоянии ответить ему адекватно.

Единственное, что еще может сделать в этой ситуации зритель в качестве меры самозащиты – это прервать этот нечестный поединок, выключив (а ещё лучше – *разбив*) свой телевизор...

* * *

В очередной раз услышал от ведущего теленоостей выражение «на Украине», на которое так обижаются украинцы, требуя произносить «в Украине», и подумал, что это происходит из-за того, что большинство россиян воспринимают Украину не как государство, а исключительно как *географический объект*. Потому что, когда речь идет о государствах, то мы говорим: побывал «в Греции», «во Франции», «в США», «в Аргентине», а когда о географических понятиях, то: побывал «на Сахалине», «на Чукотке», «на Памире», «на юге», «на Волге», «на Дальнем Востоке» и т. д.. Украина для нас – это *окраинная часть бывшего СССР*, которая проходит по «ведомству» категорий географических, а потому язык сам собой и произносит не «в Украине», а «на Украине», то есть – «на окраине нашего бывшего Союза». Не случайно же и сам Тарас Григорьевич Шевченко писал когда-то в одном из своих стихов, чтобы его похоронили «*на Україні милій...*»

* * *

...И снова чуть ли не половину ночи размышлял о прозе Стивена Кинга, книгу рассказов которого «Сезон дождя» я купил на казанском вокзале перед самой поездкой в Сызрань. Это очень талантливый писатель, и хотя он пишет про всякие ужасы, его проза лучше любой публицистики раскрывает бездуховную сущность Америки, я бы сказал, её мистическую трагедию. Потому что из рассказываемых им историй отчётливо видно, что современный мир США включает в себя только такие факторы как *человек* и *дьявольщина*, но при этом в нём фактически напрочь отсутствует даже какое-либо упоминание о *Боге*. «Ты бы ещё сказала: “*ПОКАЙСЯ!*”», – с негодующим сарказмом восклицает, заблудившись среди непронумерованных автострад, один из персонажей книги в ответ на предложение его подруги вернуться и выехать на правильную дорогу. И дальнейшее развитие сюжета показывает, что мир, в котором раздражителем является даже сама только мысль о *покаянии*, просто не может быть обречен ни на что другое, кроме как на погибель...

* * *

В «Литгазете» опубликовано большое интервью с профессором Литературного института В.П. Смирновым, в котором он очень правильно говорит о том, что «*русская песня, русская поэзия – одно из воплощений нашей национальной судьбы и национальной метафизики*» и что если «*исчезнет поэзия – исчезнет Россия*». Отвечая на вопрос о том, как он оценивает нынешнее состояние культуры, Владимир Павлович говорит: «*...Буржуа кажется, что это они отказались от поэзии. Нет, это поэзия отказалась от них! Им кажется, что это им не по пути с такой романтической роскошью и чепухой, как поэзия. А это поэзии не по пути с ними в лавку, кабак и на курорт на Багамы. Все великие писатели антибуржуазны...*»

Я помню В.П. ещё по учёбе в Литинституте, где он читал нам курс русской литературы Серебряного века, да и потом мы неоднократно встречались – и в Москве, и в различных поездках. Он, конечно же, высочайший специалист по Серебряному веку в русской литературе, блестяще владеет материалом и готов заразить своей любовью к русской поэзии любого собеседника...

* * *

Шёл днём к метро «Парк культуры». По времени была ещё середина дня, но из-за переведенных на час назад часов пейзаж вокруг выглядел уже явно *по-вечернему*, к тому же на крестах церкви Николы в Хамовниках сидели такие крупные чёрные вороны, что у меня само собой сложилось этакое философическое двустишие: *«И чёрный ворон – тоже Божья птица, / коль на кресты церковные садится...»*

* * *

...К небу можно приблизиться только *ДУХОМ*, а мы всё тянем к нему своим своих торговых центров, а потом, когда наступает очередное 11 сентября, не хотим понять, что это не террористы бен Ладена, а Сам Господь Бог заставляет нас таким образом пригнуть голову в смиренности и возвратиться на землю...

* * *

Прочитал в присланном мне из Ростова номере журнала «Дон» окончание монографии Александра Шелудякова «Тайна Половецкой летописи», в которой автор рассказывает, как его отец читал ему в детстве некую ныне утраченную, но дословно им заученную летопись, содержащую первородный текст знаменитого «Слова о полку Игореве». Собственно, эта детская память автора в общем-то и является тем единственным «научным аргументом», на который он постоянно ссылается в своей публикации. Она буквально пестрит фразами типа: «...в Половецкой летописи была ёмкая запись о цели похода Игоря в Половецкую страну дальнюю...», «...в Половецкой летописи текст автора “Слова” сохранён очень бережно...», «...сравните, как этот отрывок звучит в Половецкой летописи...», «...в Половецкой летописи было записано...» – и так далее. А в конце работы приведён перевод «Слова о полку Игореве» и его расшифровка по этой самой Половецкой летописи, которые оказываются раз в двести труднее для понимания, чем тот текст «Слова», который был прежде «испорчен» переводами Д.С. Лихачева и целого ряда других, смотревших ему в рот толкователей. Так, например, вместо довольно внятной строки *«Боянь же, братие, не 10 соколов на стадо лебедей пущаше, но своя вещь персты на живая струны въскладаше; они же сами князем славу рокотаху»* под пером Шелудякова появляется какая-то нелепая фраза: *«Бо яз же, братья, не десять соколов на САДО ЛЕПО ПЕТЬЮ напускаю, но свои вещи персты на живые струны воскладаю – они же сами князьям славу РОК-ГАТАТИ»*. Однако мало того, что в трактовке знатока Половецкой летописи вещей Боян превращается в эдакого древнерусского Андрея Макаревича, *ГАТАЮЩЕГО* на гусях *РОК*-балладу о походе князя Игоря против половцев, так ещё и его брат – *Яр-Тур* Всеволод –

переряжается вдруг в какого-то неведомого «*яртаула*», киевские бояре – оборачиваются «*боявами*» (что якобы означает по-половецки монахов, толкующих сновидения), седло *кощиево* – становится седлом «*кастчевым*» и так далее. И даже несколько логически понятных и близких к истине трактовок древнерусского текста, которые делает Шелудяков по ходу своей монографии, оказываются буквально погребёнными под курганами сочинённых им псевдополовецких слов и выражений, благо бы проясняющих смысл поэмы, а то ведь только ещё более его затемняющих...

* * *

...Последнее время заметил, что москвичи абсолютно перестали разговаривать друг с другом *О ЖИЗНИ*, общение стало носить в основном лишь функциональный характер типа вопросов-ответов о том, где находится то-то и то-то, как туда проехать, и тому подобное. Вследствие этого не стало побочных сцен и в литературе – у Достоевского, к примеру, его идущего по улице героя могла зацепить проезжающая мимо телега, зацепить кнутом извозчик, он мог увидеть, как пьяный муж бьёт жену, услышать разговор двух совершенно посторонних для сюжетного действия прохожих, могла попасться на глаза случайная девочка-попрошайка и многое другое. В нынешних же романах нет ни одного фонового персонажа, в поле зрения автора и его героев не попадает ни одно из незадействованных в сюжете лиц (как будто писатели боятся, что каждому лишнему персонажу надо будет выплачивать гонорар!), в произведение не залетит ни один обрывок случайного разговора, не забежит бродячая собака, в них практически абсолютно *НЕТ ОКРУЖАЮЩЕГО МИРА*...

* * *

Сколько живу на свете, никак не могу понять, что же за такое странное существо – человек. Проблем сейчас вокруг (причем, как личного характера, так и общенародных) буквально выше крыши: страна погибает, мир катится к своей последней войне, литературу почти окончательно вычеркнули из российской жизни, ну а я второй день хожу и смеюсь над где-то случайно прочитанным анекдотом (к тому же – с довольно садистским характером), состоящим практически из одной, как бы оторванной от своего начала, строки: «...*А по вечерам Мальвина поднимала свой единственный глаз к небу, смотрела на звёзды и вспоминала тот незабываемый поцелуй, который ей подарил Буратино...*» Даже не знаю, как это всё можно назвать...

* * *

Провёл у нас на Комсомольском проспекте творческий вечер минского прозаика Сергея Трахимёнка, выпустившего две документальные книги о войне и повесть в жанре иронического детектива на экологическую тему «Миллениум в Авсюках». Авсюки – это образ реального белорусского села Автюки, напоминающего знаменитое болгарское село Габрово, славящееся своим юмором. Вот и детективная история Трахимёнка о пропавшем накануне Нового года районном журналисте, расследовавшем феномен добычи авсюковцами керосина прямо из

земли, пересыпана анекдотами об этом селении. Но мне больше всего понравился один крошечный момент в тексте книги, в котором чисто мимоходом сообщается о том, что помимо известного слова «лес», означающего заросли деревьев, в белорусском языке имеется ещё слово «лѣс», переводящееся как «судьба». Таким образом, стоит только потерять две малюсеньких точки над буквой «ѐ», и в своей собственной судьбе можно сразу же заблудиться, как в густом дремучем лесу. Я очень люблю такие вот «потайные шкатулочки языка», хранящие в себе возможности для многовариантного прочтения слов, открывающие простор для занимательной филологической игры и обогащающие словарный арсенал неожиданными смысловыми переключками...

* * *

...После работы съездил в кардиологическое отделение Института хирургии, где сейчас лежит в ожидании уже второй операции мой друг из города Старица (Тверская область) Виктор Хотулѐв. Он сам хирург и всю жизнь спасал жизнь другим людям, а вот теперь довелось лечь на операционный стол и самому. Сердце. Из-за стрессов у него так забились аорты, что сквозь них уже почти не проходит кровь. А стрессы – это результат его работы в местной газете, которую он ведѐт параллельно своей хирургической практике. Он там пишет обо всѐм и обо всех одну только правду и нажил из-за этого множество врагов, которые украли у него в отместку машину, пишут на него начальству анонимки и делают кучу других гадостей, которые и привели его на больничную койку...

Кстати, вот удивительный пример воздействия литературы на людские судьбы! Можно утверждать, что Виктор в буквальном смысле слова обязан своей жизнью книге Юрия Полякова «Козлѐнок в молоке». Дело в том, что незадолго до начала первой операции на сердце он увидел меня и Марину в одном из телевизионных репортажей с празднования Юриного 50-летия, где прозвучало упоминание об этом романе, и ему стало страшно досадно, что вот-де, мол, случись вдруг ему завтра умереть на операционном столе, и он так и не прочтает этого знаменитого произведения. И весь период подготовки к операции и во время неё он не переставал повторять про себя, как заклинание, своё желание: «Только бы мне выжить и прочитать “Козлѐнка в молоке”, только бы мне прочитать “Козлѐнка...”» Во время операции с ним случилась клиническая смерть, но мечта прочитать «Козлѐнка» оказалась сильнее, и ему удалось выкарабкаться.

Узнав обо всѐм этом, я срочно купил в магазине этот роман, поехал в «Литературную газету» и попросил, чтобы Юра подписал Хотулѐву автограф, а потом съездил в больницу и передал подписанную им книгу Виктору. Дай Бог, чтобы она помогла ему и при второй операции...

* * *

Прочитав в одной статье, что «бренд» – это значит «имя», «знак», «символ», и, вспомнив давнее русское слово «сбрэндил», равнозначное выражению «с ума сошѐл», я подумал, что, ещё ничего не зная ни о каких «брендах», русский народ придумал слово, приравнивающее акт сошествия с ума к потере человеком своего личного имени. Вот у нас и говорили: «*Ты что – сбрэндил?*» – имея в виду: «*Ты что – забыл,*

как тебя зовут?..» (То есть: «...Забыл, кем ты значишься в Книге Жизни?..») Или ещё проще: «Ты что – ПЕРЕСТАЛ БЫТЬ СОБОЙ?!» Ведь сумасшествие – это не что иное, как именно утрата человеком своей самоидентификации...

* * *

Ездил сегодня к хирургу по поводу боли в левой стопе и по дороге в больницу и обратно читал в метро книгу Аллы Большаковой «Феноменология литературного письма. О прозе Юрия Полякова». Вопреки моим опасениям, что книга окажется страшно заумной, она написана более-менее понятным языком и помогает всплыть целому ряду из моих собственных размышлений о Юриных романах и повестях. Хотя, наверное, я бы всё-таки посоветовал Алле избегать злоупотребления такими выражениями как: «*темпоральная деформация в соединении начал и концов разорванной истории*», «*свёрнутая доминанта объективированного времени автора-повествователя*», «*парадигма несбыточности, скрытая в семантическом разрыве слов*» или «*невозможность осуществления скрипторских интенций*». О произведениях Полякова надо писать так же интересно и доходчиво, как пишет он сам. Его роман «Козлёнок в молоке» переиздан уже 22 раза! Можно ли столько же раз переиздать текст о «*невозможности осуществления скрипторских интенций*?.. Я как-то в этом сомневаюсь...

* * *

Войдя как-то в наш писательский туалет в правлении СП России, я привычно пристроился у вечно засоренного и оттого на треть заполненного писсуара и вдруг увидел плавающую в нём блестящую чёрную маслину. Скорее всего, её появление здесь объяснялось довольно просто. Видимо, вчера у одного из наших из секретарей обмывали чью-то новую книгу и во время последующего ополаскивания посуды выплеснули сюда с остатками рассола и маслину. Но мне, при виде её в столь необычном сосуде, невольно подумалось о том, насколько же русский человек в эстетическом плане тоньше американцев. Ну куда тут, спрашивается, Хемингуэю, так и не поднявшемуся выше описания маслин в заурядном стакане с коктейлем! Маслина в писсуаре – вот где подлинная поэзия, вот где тончайшее чувство ароматических и словесных нюансов!.. И не является ли этот образ символом всей *настоящей* литературы – как раз и демонстрирующей читателю такие вот идейные, сюжетные и психологические «маслины», обнаруживаемые писателями в бездонном писсуаре жизни?..

* * *

Заходил сегодня в литературную студию «Марьянская Муза», которую мы раньше вели вдвоем с Мариной, и одна из поэтесс подарила мне свою новую книгу стихов, которая у неё только что вышла в Архангельске (26 печатных листов формата 60x90, 416 страниц!). Книга имеет жанровый подзаголовок: «*женская, духовная, медитативная лирика, 350 сонетов и детские стихи*», – всего 900 стихотворений самой разнообразной тематики и разного поэтического уровня, написанных как от женского лица, так и от мужского. Есть, как я потом убедился,

немало любопытных стихотворений, но тогда, раскрыв книгу, я сразу же наткнулся на акrostих, начальные буквы которого соединяются в фразу: «С ЮБИЛЕЕМ ИИСУСА ХРИСТА». Почти как реклама в нашу-мевшем в своё время романе Виктора Пелевина «Generation П»: «СОЛИДНЫЙ ГОСПОДЬ ДЛЯ СОЛИДНЫХ ГОСПОД».

* * *

По дороге в метро прочитал очередной выпуск «Независимой газеты», в приложении к которой «Субботник-НГ» (№ 31/78) Виктор Ерофеев рассуждает о том, что, по его мнению, в XXI веке человечество наконец-то должно дозреть до замены «устаревшего» Бога – на нового, «универсального». Который в его трактовке получается как-то очень уж похож собой на антихриста...

* * *

...На днях редакция «Литературной газеты» заказала мне рецензию на книгу Евгения Гришковца «Планета», но я с трудом осилил первую из помещённых в ней пьес (скучнейшая вещь, написанная предлинными монологами), родившую во мне один только двухстрочный отклик: «Гришковец, Гришковец, / лучше нас бы ты овец», – и больше уже ничего читать не смог...

* * *

Вышел сегодня из метро и чуть не задохнулся от охватившего мою душу пьянящего восторга – красотища-то, Господи! Всё вокруг стоит зелёное – берёзки, тополя, трава изумрудная... Даже не верится, что зима закончилась, и пришло тепло. У меня прямо душа запела. Иду, такая меня охватила эйфория, только что не подпрыгиваю от радости. И вдруг смотрю – метрах в двадцати от тропинки мужик опускается под изумрудно зеленеющие кусты, поворачивается задом к идущим мимо него людям, снимает штаны и преспокойно начинает справлять там на молодую травку свою большую нужду... Практически на виду у всего народа, которому как-то абсолютно наплевать на то, что происходит в нескольких метрах от него...

И всё моё ликование тут же закончилось.

Наверное, нельзя ничем безудержно восторгаться – этим мы как бы поднимаем вокруг себя некую излишне высокую «эмоциональную волну», которая нарушает баланс энергетических сил планеты, и мир, стремясь сохранить необходимое равновесие и не допустить разрастания этой волны до размеров эмоционального цунами, старается как можно быстрее погасить наши восторги. Иногда вот таким экстравагантным способом...

* * *

Тема для будущей статьи: русское искусство от «Чёрного квадрата» Малевича до «Красного колеса» Солженицына. Это он, этот квадрат, обернувшись солженицынским красным колесом, покатился, лязгая своими смертельными углами, по Руси, давая по пути и калеча человеческие судьбы. (А внутри колеса вписана «Треугольная груша» Вознесенского.)

* * *

В последнее время в вагонах московского метро появились плакаты, рекламирующие то ли радиостанцию, то ли новый энергетический напиток с названием «ПозитиF». Нынешняя молодёжь «тащится» от всякого рода искажённых словечек, а потому даже не замечает, что вместе с этим, казалось бы, нацеливающим исключительно на *позитивное* восприятие жизни названием, она заглатывает в своё подсознание ещё и пугающее слово «*тиф*» – «ПозиТИФ», – которое не может не вести там подспудно-незаметную, но стопроцентно *негативную*, разрушительную работу. И подобный эффект можно обнаружить практически в любом образце современной российской рекламы...

* * *

В метро появились рекламные плакаты, на которых изображены радостные парень или девушка, страстно прижимающие к груди охапку платьев, компьютерную клавиатуру или кофеварку, под которыми выведена яркая надпись: «НЕТ НИКОГО БЛИЖЕ!» Они изображают на лицах счастливейшие улыбки, а я смотрю на них и думаю: «Господи! Какие же вы бедные и несчастные, если у вас в жизни нет *никого ближе*, чем кофеварка!.. И неужели же составлявшие рекламный текст пиарщики не понимают того, что сделали из своих персонажей не столько символ счастья, сколько символ вселенского одиночества?.. Какое уж там счастье, если самым близким для человека в жизни является не жена, не друг, не родители или дети, а – электроутюг».

И ещё реклама из того же ряда. На плакате нарисована коробочка мягкого сыра с выцарапанными зубочисткой на его поверхности очертаниями сердца, и рядом выписан слоган – «Виола. ЕДИНСТВЕННАЯ ЛЮБОВЬ». И опять невольно думаешь о создателях и адресатах этого текста: «Боже! Какие же вы жалкие, если *единственным*, к чему прикипело в этой жизни ваше сердце, является *сыр*...»

* * *

Поэтическое слово – это вакцина против духовной гибели народа. Сегодня, когда страна задушена пошлостью и цинизмом, поэзия, наряду с верой, может стать именно тем спасительным средством, которое способно помочь народу вернуть его утраченный нравственный иммунитет.

* * *

Если уметь настраивать себя на «волну любви», то любая самая тяжёлая ситуация будет изменяться к лучшему прямо на глазах.

* * *

Поэтические вибрации наполняют душу читателя дополнительной силой и мужеством, заставляют сердце биться в унисон с сердцами тысяч героев былых времён, помогают пересиливать робость и страх, зовут к великим делам и сражениям во имя добра и справедливости.

* * *

Зрелость поэта определяется не возрастом, а только глубиной его проникновения в душу человека.

* * *

По сути дела, творческий процесс – это как бы и есть некая прогулка по аллеям памяти, своего рода пересчитывание неких опорных в душе свай, несущих на себе каркас мировоззрения поэта.

* * *

Капитализм – это не тот общественный строй, который строят *сообща*, всем миром. Поэтому у нас сегодня так стремительно исчезает дух коллективизма и воцаряется индивидуализм...

* * *

...Когда ехал сегодня в метро на работу, на станции «Серпуховская» в вагон вошли две собаки – большая бело-рыжая сука и с ней псина непонятного цвета вдвое меньше, которые как-то привычно остановились напротив дверей, пережидая, когда вошедшие займут места, отзвучат слова машиниста, объявляющего следующую остановку, и вокруг сделается тихо. И мне вдруг показалось, что сейчас они пойдут вдвоём по вагону, заглядывая всем в глаза и причитая: «Вы нас, конечно, извините, что мы к вам обращаемся, но мы приехали в Москву на лечение, и у нас на вокзале украли все деньги и обратные билеты... Помогите, ради Христа, кто сколько сможет...»

При этом сценка увиделась мне до того явственно, как будто всё это и вправду происходило в этот миг перед моими глазами.